

ХУДОЖНИК КАК САПЕР: ОШИБАТЬСЯ НЕ ВПРАВЕ

Владимир Ильич догонял свою часть, за время его командировки в Москву ушедшую далеко на запад, почти к границе Латвии. Дислокация была строго засекречена, однако в городе Опочка с помощью «солдатского телеграфа» он быстро сориентировался и к вечеру вышел на берег того озера. Сел в лодку – и только отплыл от берега, как услышал далекие возгласы: бойцы что-то кричали с сопки, складывая над головой руки крестом. Горский вышел на берег и похолодел: рядом зарос травой покосившийся деревянный щит с надписью: «Achtung, Mielen!» Мелко сообщалось, что берега озера и все окружающие низины заминированы...

...Родился Владимир Горский в Костроме, однако прожил там всего год – переехали в Москву. Старая русская семья, в доме роль – подарок Петра Ильича Чайковского. Отец в империалистическую службу служил адъютантом знаменитого генерала Брусилова и участвовал в известном прорыве. Мать сохраняла творческие традиции семьи: ее дед, Михаил Железнов, был известным художником, академиком Российской академии живописи, учеником и биографом знаменитого живописца Карла Брюллова.

Окончив 1-ю Московскую художественную школу, Владимир Горский в сорок втором ушел на войну из Болшевского военного училища, а службу начал под Истрой сапером-лейтенантом. Здесь, под Москвой, дислоцировался 39-й отдельный прожекторный саперно-минерный полк Ставки Верховного Главнокомандования. Саперы полка, который подчинялся непосредственно маршалу инженерных войск Воробьеву, двигаясь с передовыми частями, обезвреживали минные поля, оставленные немцами, делали проходы для наступающих частей.

- Это был совершенно нестеровский пейзаж, - рассказывает мне сосед по мастерской, известный московский живописец Владимир Горский. - Представляешь: озеро, березки вокруг, а у берега - черная лодка!

За бравадой фразы, что, мол, минер ошибается один раз, спрятано множество трагедий. Саперу Горскому повезло – он не ошибся ни разу. А пришлось участвовать в операции по разминированию, например, известного подмосковного Ново-Иерусалимского монастыря, в котором немцы устроили склад боеприпасов. При очередном авианалете неразорвавшиеся снаряды засыпало землей, и если бы это хозяйство взлетело на воздух, послевоенные поколения, верно, никогда бы не увидели гениального творения Растрелли, - знаменитого памятника русской архитектуры, истории православия.

В саперы, как правило, брали строителей, зодчих. Например, сталинградским сапером стал выпускник Киевского строительного института, позже известный наш писатель Виктор Некрасов. Командир, да и замполит Горского были архитекторами – и в нелегкое военное время поддержали его стремление стать художником. Вообще, талантливого сапера-лейтенанта, который в перерывах между опасными вылазками на минные поля позволял себе писать пейзажи, начальство не раз привлекало, когда нужны были портреты однополчан, а фотографа под рукой не было. Словом, Горского направили в командировку в Москву, где он встретился с бывшим уже тогда ректором знаменитого Суриковского училища Игорем Грабарем – и сразу был зачислен студентом на второй курс.

Вот после той командировки и догонял молодой лейтенант свою часть, оказавшись в самом пекле: фашисты буквально напиговали минами район Опочки – Резекне на стыке границ Псковщины, Белоруссии и Прибалтики. На огромных минных полях наши войска несли большие потери. За работу по их разминированию Владимир Ильич был удостоен самой дорогой для него награды – ордена Красной Звезды.

В Эстонии он встретил День Победы, где до этого уже состоялась первая в его жизни выставка. Увы, работы этой небольшой экспозиции погибли при бомбежке...

Послевоенная жизнь виделась мирной и безоблачной, и художники должны были эту красивую жизнь воспевать в своих произведениях. Горскому везло: он стажировался в Италии, Франции, писал пейзажи Флоренции, рисовал Монмартр, однако считает, что лучшие его работы состоялись в России.

Я поинтересовался, где же батальные полотна. Ведь война же не могла пройти мимо художника...

- Для человека, прошедшего войну, с первого взгляда совершенно ясно: оценивал художник или нет, знает предмет или творит по чужим мотивам, тоже не

всегда правдивым... И при виде полководца этой фальши мне, откровенно говоря, не хочется братья за батальную тему. Художник, как и сапер, ошибаться не имеет права.

Иногда я по-соседски захожу в творческую мастерскую Владимира Ильича.

Он показывает этюды – созданные на даче под Волоколамском пейзажи, натюрморты, которые с молодой увлеченностью пишет вместе со своими учениками. И я ломаю голову: откуда у ветерана этот юношеский задор и творческая сила?

ВАЛУН НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Кровопролитные бои под Москвой продолжались до конца ноября 1941 года. Немцам войскам удалось с севера прорваться к каналу имени Москвы и форсировать его в районе Перемилловских высот возле Яхромы. Обойдя сопротивляющуюся Тулу, они организовали наступление на столицу и с юга.

В далекие ныне пятидесятые отец показывал мне бетонные площадки на высоком берегу Оки где-то между Серпуховом и Каширой с установленными на них серо-голубыми дальнобойными корабельными орудиями (они не успели выпустить ни одного снаряда): с их помощью немцы собирались наносить демонстративные артиллерийские удары по Москве. В своих воспоминаниях один из участников битвы под Москвой Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский писал: «Сталин особо подчеркнул, что из этого района <Красной Поляны> фашисты могут начать обстрел столицы из крупнокалиберной артиллерии <...>. Верховный Главнокомандующий информировал ме-

ня о том, что Ставкой дано распоряжение об усилении этого участка войсками Московской зоны обороны».

Во второй половине XX века сохранено множество памятников, связанных с боями на западном и северо-западном направлениях, Минском и Ленинградском шоссе. Однако почти неизвестны памятники, расположенные в юго-западном направлении, но есть и они. На территории Москвы (в годы войны это были ближайшие пригороды) в районе метро «Профсоюзная» сохранился дот, специально построенный для обороны участка тогдашнего Калужского шоссе.

- Этот памятник нами не забыт, - рассказывает заместитель

главы управы района Академический Тамара Прошалыкина. - Дот, расположенный во владении Профсоюзная, 17, находится под патронатом учащихся 191-й школы.

Большую помощь в сохранении памятных мест района оказывает нам региональное отделение партии «Единая Россия». К шестидесятилетию Победы при его поддержке, например, мы воссоздали монумент в память рабочих Черемушкинского кирпичного завода.

Совсем недавно на пересечении улиц Дмитрия Ульянова и Новочеремушкинской, где лет еще десять назад располагались корпус и терриконы кирпичного завода, лежал валун с именами рабочих завода, погибших в Великую Отечественную войну. Для учащихся близлежащей школы № 197 (директор Ольга Мельникова) это было священным местом, которое они поддерживали в надлежащем состоянии. И вот в преддверии юбилея была создана композиция, где доминантой осталась памятный камень, а по сторонам от него были возведены стилизованные кирпичные стены с отверстиями в виде цифр: «1941 - 1945» и отдельно «60», вокруг разбиты цветники, установлены светильники...

Кому-то может показаться странным: мол, кирпичного завода нет – стоило ли здесь гордиться огород? Откровенно говоря, мне тоже жаль уникальное историческое предприятие, его цехи с загадочными старинными сводчатыми потолками. Думаю, в них вполне могли разместиться и музей, и нестандартные центры досуга. Но город растет, требуются площадки для жилой застройки, поэтому потери, видимо, неизбежны. А скромный знак на оживленном перекрестке бывших Черемушек – символ не только Победы, но и память о том заводе, из продукции которого скроено, верно, не одно московское здание.

НЕПРОНИКАЮЩИЕ ЛУЧИ

Хотя после огромной трагедии - аварии на Чернобыльской АЭС - выросло целое поколение, события эти живы в людях, которые отдали свое здоровье ликвидации одной из самых страшных техногенных катастроф в истории человечества.

- Так называемый чернобыльский закон - о социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации на Чернобыльской АЭС (№ 1244-1 от 15 мая 1991 г.), - включал многие льготы и гарантии, - рассказывает заместитель председателя общественной организации инвалидов Чернобыля СЗАО г. Москвы Московской региональной организации Общероссийской общественной организации инвалидов Чернобыля союз «Чернобыль» России Леонид ФРОЛОВ. - Однако буквально каждый год он изменялся в худшую сторону. Леонид Викторович, сам участник ликвидации аварии, получивший в результате облучения инфаркт в тридцатипятилетнем возрасте, объясняет, что, как случается в нашей стране, вокруг трагедии сложилась нездоровая атмосфера. И прикрываясь именем «чернобыльцев», создавались организации и фонды, никакого отношения к аварии не имеющие, а делающие на этом сомнительный бизнес.

В Северо-Западном округе организация действует с 1996 года, а через три года была создана иерархическая структура единой всероссийской организации. До 2002 года действовала программа, утвержденная Московской городской думой, согласно которой правительство Москвы финансировало санаторно-курортное лечение и обслуживание инвалидов-чернобыльцев в медицинских учреждениях.

В 2002 году вступил в силу Налоговый кодекс, который практически уничтожил благотворительность по отношению к инвалидам и лишил московские власти юридических оснований в оказании помощи чернобыльцам. С этого времени городские власти имеют право поддерживать общественные организации инвалидов-чернобыльцев, приравненные законом к коммерческим структурам, лишь путем предоставления субвенций префектурам (поэтому московская объединенная организация инвалидов-чернобыльцев попросту не существует - есть лишь организации в округах).

- Мы очень признательны за помощь, которую нам оказывают управы, префектура СЗАО, - говорит Леонид Фролов, - но ее катастрофически не хватает.

До 2002 года оказывалась материальная помощь семьям умерших чернобыльцев: выплачивались специальные средства на захоронение, установку памятников. Теперь этого нет. Отсутствует и специальная медицинская помощь для ликвидаторов аварии. Пока предоставлялись средства, в Калужской области на выделенном участке строился санаторий для инвалидов Чернобыля. Сегодня практически готова первая очередь, выстроены корпуса, однако средств на закупку медицинского оборудования нет.

- Нам нужны партнеры, - поясняет Фролов, - а не инвесторы. Деньги, вкладываемые в медицину, окупаются медленно, а сегодня всем нужны «быстрые деньги», поэтому так сложно найти организацию, которая разделила бы с нами ввод в действие санатория, расположенного в замечательном месте - Тарусском заповеднике - на одиннадцати гектарах.

И все же основная проблема, как считает заместитель председателя этой общественной организации, заключается для инвалидов-чернобыльцев в том, что с 2000 года Правительство России не производит индексирование средств на «возмещение вреда здоровью» (ВВЗ), которые ликвидаторы получают в виде особой прибавки к пенсии. По данным Фролова, суды буквально забиты заявлениями по этому поводу - ведь индексация ВВЗ прописана в законе. Однако в судах такие дела решаются крайне медленно, и даже если «чернобылец» выигрывает, добиться реальных выплат невозможно - несмотря на специальное постановление Верховного суда РФ от 5 апреля 2005 года по этому поводу.

- Помнится, - грустно улыбается Леонид Фролов, - когда нашими делами занимался еще Починков, во время одной из встреч он с обескураживающим цинизмом признался: я и не ожидал, что вас столько выживет! А ведь многим из нас нужны не только лекарства, но и просто психологическая помощь - специалистов, общества. Не секрет, что «чернобылец», у которого болит буквально все, вынужден «лечиться» традиционным русским способом, что еще скорее сводит его в могилу...

Через полгода, 26 апреля 2006 года, страна отметит горький юбилей - двадцатилетие чернобыльской катастрофы. Неужели модные автомобили и теплые места под солнцем затмят нам тех, кто своей жизнью и здоровьем прикрыл страну и мир от ядерной угрозы?